

Макогонова В. В.

кандидат філософських наук,
доцент кафедри філософії
Дніпропетровський національний
університет імені Олеса Гончара
(Дніпропетровськ, Україна),
E-mail: visnukDNU@i.ua

ЗЕНЬКОВСКИЙ В. В. О ДИАЛЕКТИКЕ ПОНЯТИЙ «ХУДОЖНИК», «МЫСЛИТЕЛЬ», «ФИЛОСОФ»

***Аннотация.** Демаркация философской и художественной рефлексии – актуальная проблема современной историко-философской науки. Один из способов ее решения - определение границ и содержания понятий «художник», «мыслитель», «философ». В таком контексте представляет значительный интерес опыт отечественного историка философии и литературы В.В.Зеньковского, научное наследие которого является предметом анализа в рамках представленной статьи. С точки зрения Зеньковского, художник – мастер художественного слова, в творчестве которого имеет место «откровение через искусство». Мыслителем художника делают не попытки философствовать, «оправдывать» свои чувства, свои «движения», т.е. оформлять их в систему. В историю философской мысли художник слова может по праву войти тогда, когда, используя свои, художественные средства выразительности, оказывается в состоянии разрешить философские вопросы. Если творческое стремление писателя сосредотачивается не на изображении живого и реального портрета героя, а на усмотрении в том или ином лице типа человека, могут иметь место проявления художественного платонизма. Философский потенциал художественной литературы обнаруживается там, где художественный образ приобретает черты «бытийственной идеи». Философский характер мысли удостоверяется «исканием системы». Движение к построению системы, считает Зеньковский, необходимое условие и признак философского творчества Мыслитель не может состояться как философ, не владея «необходимой техникой философской работы», т.е. не зная истории философии, без привычки к строгой понятийной дисциплине.*

***Ключевые слова:** художник, мыслитель, философ, Зеньковский.*

Василий Васильевич Зеньковский (1881 – 1962) относится к числу тех отечественных мыслителей, чей жизненный и творческий путь в равной мере представляет исследовательский интерес. Богослов, педагог, психолог, историк философии и литературы, церковно-общественный деятель. Человек, достойно и мужественно переживший две мировые войны, войну гражданскую и три революции. Русский философ «киевской школы». Приват-доцент университета св. Владимира, защитивший магистерскую диссертацию в Москве. Основатель Киевского научно-философского общества и Русского Студенческого христианского движения. Министр в правительстве гетмана П.Скоропадского, «по воспитанию и чувствам всецело и абсолютно принадлежащий России» [11, с. 11].

По числу посвященных ему публикаций, В.В. Зеньковский не может, конечно, соперничать с В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком, Л. Шестовым. Тем не менее, своеобразие философской индивидуальности Зеньковского складывалось из элементов, позволяющих предполагать заметный рост, в ближайшие годы, исследовательского интереса к творчеству этого философа.

Учитывая общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в современной Украине, трудно переоценить актуальность опыта рефлексии Зеньковского относительно двойственной русско-украинской культурной идентичности.

Украинские исследователи фиксируют как проблему тот факт, что «существование поликультурного населения в Украине детерминирует наличие в ее социальном пространстве конкурентных идентичностей, что в свою очередь предусматривает

конкуренцию их ценностного наполнения» [5, с. 444]. Вот, к примеру, один из вариантов классификации конкурирующих в современной Украине дискурсов: 1) традиционно-украинский (диаспоро-львовский); 2) традиционный интеллигентский русский; 3) реликтивно-советский русскоязычный, 4) реликтивно-советский (неонароднический) украиноязычный; 5) мультиязыковый дискурс глобалистского субстрата [См. 15].

Насущной для нашей страны является задача гармоничного сочетания в культурной и политической практике таких значимых категорий как «национальная самоидентификация» (отдельный этнос) и «нация сограждан» (как форма консолидации в полиэтническом социуме). Вряд ли можно сомневаться в том, что главным условием гармонии выступает уважение к национальным чувствам представителей каждого этноса. Ущемлением человеческого достоинства является требование отказаться от свободы национальной самоидентификации. Гражданское единство достигается не победой одной из «конкурирующих идентичностей», а превращением конкуренции в партнерство.

В. В. Зеньковский принадлежал двум культурным традициям, русской и украинской, с огромным уважением и осторожной деликатностью относился к национальным чувствам обоих народов, глубоко осознавал невозможность однозначно оценить, проделанный ими совместно исторический путь. Все вместе это определяет особую ценность изучения опыта Зеньковского, изучения того, какое выражение факт принадлежности к двум культурным традициям «находил в его экзистенциальном бытии и как отражался в попытках теоретических обобщений» [1].

Поиск ответа на эти вопросы связал с общим вопросом о понимании отечественности философии в Украине Г.Е. Аляев в рамках своего исследования «Двойственность национального сознания как экзистенциал и предмет анализа (опыт Василия Зеньковского)». В наполнении конкретным смыслом несколько расплывчатого конструкта «отечественная философия» в современной Украине, а также при разрешении вопросов о «национальной приписке» того или иного философа, – приходит к выводу Г. Е. Аляев, – могут быть использованы формулы Зеньковского «двойственность национального сознания» и «культурный параллелизм». Их содержание составляет осознание принадлежности одновременно к двум культурам, русской и украинской, осознание неразрывной связи между ними, утверждение необходимости параллельного их развития без того, чтобы развитие одной происходило в ущерб другой.

«Отечественной в Украине является не только философия украинская – определенная как таковая то ли по географическому, то ли по ментальному принципу, но и философия русская – в той мере, прежде всего, в которой ее носители так или иначе связаны с Украиной, но также и по более широким соображениям – на основании глубокого исторического переплетения духовных судеб и потенциалов русского и украинского народа (их «гениев»), в основе которого – единство религиозной веры» [1].

Проблематика, связанная с изучением национальной специфики философствования, не исчерпывает, конечно, всей полноты вопроса о способах и формах существования философии в культуре. Для историко-философской науки представляют интерес не только принципы включения философов в ту или иную национальную традицию, но и принципы включения нефилософских феноменов в традицию философскую. Важными действующими лицами в истории философии оказываются не только философы, но и мыслители, идеологи, публицисты, художники. Специфическая природа философского творчества порождает такое явление как чрезвычайная эмпирическая пестрота философской жизни.

Многообразие форм выражения философского знания и методов его получения составляет внутреннее богатство духовной культуры и одновременно ставит перед историками философии ряд серьезных проблем теоретико-методологическо-

го характера. О соотношении понятий «история философской мысли» и «история философии»; «философия» и «философствование»; о характере и формах взаимодействия в культуре философии и религии, философии и искусства; о границах философской и художественной, философской и религиозной рефлексии.

В таком контексте опыт В.В. Зеньковского как историка русской философии и литературы представляет большой интерес. Обращает на себя внимание тот факт, что художники слова предстают в его работах, прежде всего, как мыслители. «Проблема красоты в мирозерцании Достоевского», «Мирозерцание И. С. Тургенева», «Л. Толстой как мыслитель (К диалектике его идейных исканий)», «Философские мотивы в русской поэзии», «Гоголь как художник», «Гоголь как мыслитель».

В рамках данной статьи автор пытается ответить на вопрос о том, каким образом Василий Зеньковский определяет границы и содержание понятий «художник», «мыслитель», «философ».

Насколько известно автору, под таким углом зрения научное наследие Зеньковского в научной литературе еще не рассматривалось. Объектом изучения избиралась научно-организаторская деятельность Зеньковского в Киеве; его концепция истории русской философии; богословские труды, посвященные вопросам православной антропологии и культурологии [См. 7, 12, 18].

Близкой по тематике и задачам можно назвать статью Н. И. Милевской «М.Ю. Лермонтов в восприятии о. В. В. Зеньковского». В статье обращается внимание на то, что литературное творчество русского поэта интересует Зеньковского как способ выражения философских взглядов [См. 14].

Данное исследование не придется начинать с чистого листа, если поместить его в контекст изучения проблемы взаимодействия философии и литературы в отечественной культуре.

«Когда мы пытаемся выделить национальные особенности русской философии, мы неизбежно говорим, например, о ее тесной связи с литературой или ее религиозности... когда речь заходит о разведении (или, наоборот, сочетании) философии и религии, философии и литературы, философии и идеологии, - нельзя избежать разъяснений по поводу того, насколько уникальным (или особенным, или – наоборот – общеизвестным) является та внутренняя связь с религией, та литературность философии и философичность литературы ...» [2, с. 12–13].

У историков философии отсутствует единое мнение по вопросу о том, оправдана ли оценка русской философской мысли как литературоцентричной. С одной стороны, существует весьма устойчивая традиция (нашедшая отражение, например, в работах Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева, А. Ф. Замалева и др.) признания «литературоцентричности» русской философии не просто «жанровой, внешне-формальной характеристикой», а проявлением соответствующей «логико-дискурсивной тенденции духовной культуры». С другой – существует мнение о неправомерности такой оценки и надуманности самой проблемы литературоцентризма русской философии (М. А. Маслин).

Со своей стороны многие культурологи и литературоведы считают литературоцентризм существеннейшей характеристикой русской культуры в целом. Речь идет о «тяготении культуры к литературно-словесным формам», о культурно-рефлексивной функции литературы (М. Берг, И. Кондаков и др.). Возникает очевидная необходимость ответить на следующие вопросы: в условиях, при которых литература является саморефлексией культуры, может ли философия не иметь литературоцентричного характера? Каков характер взаимодействия двух форм духовной деятельности (философии и литературы), которые выполняют в культуре одну и ту же функцию - функцию саморефлексии?

Ответить на эти вопросы необходимо, чтобы преодолеть ситуацию, наличие которой констатируют многие исследователи. «Дело дошло до того, что в наше время есть вполне образованные люди, которые не могут понять, чем философия

отличается от литературы и есть философы, которые не могут объяснить это отличие» [6].

«Литературность философии и философичность литературы» в равной мере характеризует традицию и русской, и украинской мысли. Отношения философии и литературы приобрели характер, позволяющий говорить не просто о взаимодействии, но о взаимопроникновении, «взаимоосуществлении» этих двух форм духовной деятельности. Наблюдается факт длительного существования и развития духовной культуры в так называемом синкретическом состоянии. На протяжении нескольких столетий (примерно X–XVIII) философствование существует не как отдельная сфера духовного творчества, а как часть некоего интеллектуального целого литературно-художественно-религиозно-философского. Получили широкое распространение так называемые неспециализированные формы философствования (имеется в виду специфическое бытие философии в контексте художественной культуры, «ангажированность» ее другими формами социально-политической и духовной деятельности).

В творчестве В. В. Зеньковского такая традиция нашла яркое выражение и, одновременно, стала предметом рефлексии.

Исходной точкой, из которой можно начать движение в поисках ответа на вопрос о границах и содержании понятий «художник», «мыслитель», «философ», служит следующее замечание Зеньковского. Подавляющее число писателей озабочены тем, чтобы в своих произведениях дать живой и реальный портрет героя. Мастером создания живого своеобразно-индивидуального образа был, например, Л. Н. Толстой. Но есть и другая задача у художника и другая способность – «возводить наше восприятие того или иного лица до усмотрения в нем типа человека» [10, с. 177]. Таков Н. В. Гоголь, Наташа, Пьер, Анна Каренина – из ряда портретов. Манилов, Собакевич, Коробочка – изображение типа.

Л. Н. Толстой не стремился найти в людях «типическое». Его образы живут «каждый своей особой жизнью, не смешиваясь ни с кем». Персонажи «Войны и мира» «стоят на такой высоте портрета, как едва ли это возможно найти у какого-либо другого писателя» [10, с. 180]. Художественная сила Толстого в том, что каждая индивидуальность остается для нас в своем своеобразии, в «нерасчленимой единственности личности». Наташа Ростова добра, но «ее доброта не вырисовывается так, чтобы явить тип доброты». «Марья Болконская, в которой наиболее легко было бы подняться до зарисовки типа глубокой духовной женской природы, все это она имеет как-то «про себя». «Толстой искал этого – последней силы в создании портрета, но ничего большего» [Там же].

Гоголь, рисуя живые и красочные портреты героев «Мертвых душ», «хочет добраться до изображения типа человека». Зеньковский называет это художественным платонизмом. «Восхождение от живой конкретности к тому типу («идея» по Платону), который в данном лице художник стремится выразить. Платонизм ... не минует эмпирической живой реальности, но учит нас тому, что в каждом конкретном бытии, с той или иной силой и выразительностью, есть его «идея», тот вечный «клик», который и придает конкретной реальности ее «смысл», вскрывает ее «сущность». [10, с. 177].

В. В. Зеньковский считает чрезвычайно важным «углубиться в анализ понятия «типа» в человеке». В традиции философской христианской антропологии, к которой принадлежит мыслитель, различать понятия «личность» и «природа человека». «Личность является свободной в отношении к своей природе» [10, с. 178]. Психическая и духовная природа в человеке слагается под влиянием биологических и социальных факторов. Личность уходит корнями в «метафизическую сферу неповторимости». Типичным может быть не личность, а ее эмпирическое выражение. В «Мертвых душах» - разбирает Зеньковский гоголевскую поэму, - типичным оказывается не сам Чичиков как человек, в его духовной основе, а «приобретательство»

как основное свойство героя и всей человеческой истории. Типической формой эмпирического склада человека является скупость Плюшкина. «Понятие «типичности» (в смысле платоновской идеи») относится к эмпирической личности во всей полноте ее качеств, привычек, характера, т. е. к природе человека в ее полноте, но не к личности как таковой, т. е. в ее глубине» [10, с. 179].

Практически к тем же аргументам прибегает Н. А. Бердяев, обосновывая свой взгляд на Ф. М. Достоевского как величайшего русского метафизика. Писателя Достоевского можно назвать философом потому, что искусство его – проникновение в «первоосновы жизни идей». В творчестве Достоевского нет изображения объективного быта, нет дара перевоплощения в природное многообразие человеческого мира как, например, у Льва Толстого. Метафизичность творчества Достоевского в том, что он рисует не внешний быт, не жизненный уклад, а духовную глубину человека, отношение человека и бога, человека и дьявола. Все внешнее, – фабула, городская атмосфера, – символы внутреннего, духовного мира [4, с. 393].

Так и у Гоголя, по замечанию Зеньковского, «нигде нет фальши, хотя много неправдоподобия» [10, с. 157]. Это потому, что внешний реализм для самого Гоголя – только «оболочка», «словесная плоть», за которую он стремился проникнуть.

И Зеньковский, и Бердяев, анализируя творчество великих русских писателей, приходят, в сущности, к тем выводам, которые закрепились и в современной исследовательской литературе. «Близость литературы и философии выражается степенью проявленности в ней рефлексивной позиции. Либо художник занимает арефлексивную позицию, и тогда он бытописатель: его интересуют нравы, моральные ценности для него не отделены от эмпирии жизни ... либо в центре внимания художника именно ценности как таковые, те движения мысли и чувства, которые ведут от прекрасного, доброго, великого «самих по себе» к поступкам, действиям» [3, с. 99–100].

Показательно, что избирая, например, предметом анализа гоголевскую прозу, Зеньковский не называет Гоголя писателем. В знаменитом «Словаре русского языка» Ожегова писатель определяется как человек, который занимается литературным трудом, пишет художественное литературное произведение. Художник – тот, кто творчески работает в какой-нибудь области искусства; тот, кто выполняет что-нибудь с большим художественным вкусом, мастерством. [16, с. 324.] Думается, что Зеньковский называет Гоголя художником, а не писателем, не только уважая в нем мастера. Художник – не просто мастер художественного слова. Воздействие его текстов на читателя, как и воздействие гениальной музыки на слушателя, – «все это больше, чем «магия», – это уже есть откровение через искусство тех ... движений, которые иначе невыразимы, непостижимы для разума». [9, с. 297].

Когда художник слова начинает ощущать, что «литераторством» невозможно утолить «духовную жажду», что «писательством» не исчерпываются потребности творческого самовыражения, что художественная удача не означает возможности «мысль разрешить», происходит переход в иное качество. Художник становится мыслителем.

Мыслителя отличает стремление к построению цельного мировоззрения. При этом ценность полученного опыта определяет не внутренняя непротиворечивость, не формальная целостность, а глубина, «открытость бедне». Мыслителем художник становится не тогда, когда он пытается философствовать, «оправдывать» свои чувства, свои «движения», т. е. оформлять их в систему. Не владея «необходимой техникой философской работы», писатель может оказаться «односторонним и наивным». В историю философской мысли художник слова может по праву войти тогда, когда, используя свои, художественные средства выразительности, оказывается в состоянии разрешить философские вопросы.

Стоит заметить, в художественной среде отсутствие системности и дисциплины в идейных построениях нередко было результатом осознанного выбора. «С какой

бы философияй я ни сталкивался в моей жизни, - писал немецкий поэт Р. М. Рильке русскому художнику А. Бенуа, - я всегда обращался с ней как с поэзией, подходя к ней с максимальными эстетическими запросами и минимальной добросовестностью; поэтому большинство философов известно мне лишь одной своей стороной, и я чувствую, что я совершенно не способен целиком усвоить какую-либо систему и затем сопоставить ее с другой. Когда из философского развития одного человека вырастает целая система, меня охватывает почти гнетущее чувство какой-то ограниченности или преднамеренности, и я всякий раз пытаюсь искать человека там, где его опыт, еще синтетический и нерасчлененный, выступает во всей своей живой полноте, без ущерба, наносимого ему ограничениями и уступками, которых требует любая систематизация.» [17, с. 177].

И Зеньковский признает наличие большой дистанции между мирозерцанием и системой философии. Всякое «мирозерцание заключает в себе больше свободы, больше простора для мысли, чем «система», - системы удаются единицам, а людей, имеющих мирозерцание, много» [10, с. 190]. «Исканием системы» удостоверяется философский характер мысли. «Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации. Разные формы опыта ... ставят перед нашей мыслью проблемы и требуют их разрешения на путях разума. Решения эти могут уже наличествовать в плане интуитивных прозрений, но философия ... есть там и только там, где к раскрытию интуиции привлекаются силы разума» [8].

Движение к построению системы, считает Зеньковский, необходимое условие и признак философского творчества. Бесконечное и «беззаконное» богатство духовных исканий, озарений, интуиций должно «вместиться» в систему, найти в ней свое место. Чтобы быть способным к систематизации философ должен быть вооружен «необходимой техникой философской работы». Сегодня вопрос о содержании понятия «техника философской работы» едва ли не важнейший для академического философского сообщества. Его представители с сожалением констатируют падение философской культуры, понижение уровня философского мышления. Отчасти это связано с «бегством философии в литературу». Иллюстрирует это явление эпизод реальной философской жизни, описанный Ю. Н. Давыдовым, присутствовавшим на лекции некого «модного», известного за пределами профессионального круга философа. Суть своих идей была передана лектором причудливо, логически – невразумительно. Вопросы, которых он касался, остались не проясненными не только для нефилософской публики, но и для его коллег. «Что вы поняли из лекции?», - спросил Ю. Н. Давыдов у слушательницы, которая считалась специалисткой в философии лектора. На что получил следующий ответ: «Разве это надо понимать?! В это же надо погружаться. А погружаться можно, лишь отказавшись от суетного желания что-то понять. Ведь речь идет о том, что выше нашего понимания. Откажитесь от этого тщеславного стремления ... отключите свой рассудок и – вы почувствуете такой кайф!» [6, с. 66-67]. Проблема не в аудитории, которая ждет от философии «шока», «пронзительного впечатления». Проблема в том, что сам лектор не избежал соблазна – получить от философии того, что получаешь от искусства.

Зеньковский высказывается по этому поводу совершенно определенно. Мыслитель не может состояться как философ без знания истории философии и привычки к строгой понятийной дисциплине. Рассуждая о психологии мыслительного творчества, Зеньковский отмечает, что потребность добиться единства в идейных построениях ведет к самозамыканию в линиях искомого единства, часто лишает чувства живой и непосредственной реальности. И так не раз случалось со многими настоящими философами [10, с. 190]. С другой стороны, форма, которую приобретают идейные искания художника-мыслителя, может быть неадекватной его духовной гениальности. Гоголь, например, как художник поднялся до высот метафизики. Но мировоззрение его оставалось «незакрепленным», художнически открытым, отчасти наивным и односторонним.

В результате исследования, проведенного в рамках данной статьи, автор пришел к следующим выводам:

В. В. Зеньковский относится к числу тех отечественных мыслителей, чей жизненный и творческий путь в равной мере представляет исследовательский интерес. Отечественной в Украине является не только философия украинская, но и русская – на основании глубокого исторического переплетения духовных судеб и потенциалов русского и украинского народов. В отечественной истории имел место факт длительного существования и развития духовной культуры в так называемом синкретическом состоянии. На протяжении нескольких столетий (примерно X–XVII) философствование существует не как отдельная сфера духовного творчества, а как часть некоего интеллектуального целого литературно-художественно-религиозно-философского. Получили широкое распространение так называемые неспециализированные формы философствования (имеется в виду бытие философии в контексте художественной культуры, «ангажированность» ее другими формами социально-политической и духовной деятельности). Как историк отечественной философии Зеньковский не мог не вписать в контекст историко-философских изысканий литературно – художественные источники. Возникла необходимость решить комплекс вопросов теоретико-методологического характера: выработать принципы обнаружения философской рефлексии в литературно-художественном творчестве, определить границы и содержание понятий «художник», «мыслитель», «философ». С точки зрения Зеньковского, Художник – не просто мастер художественного слова. Творчество художника – откровение через искусство. Мыслителем художника делают не попытки философствовать, «оправдывать» свои чувства, свои «движения», т. е. оформлять их в систему. Не владея «необходимой техникой философской работы», т. е. не зная истории философии, без привычки к строгой понятийной дисциплине, писатель может оказаться «односторонним и наивным». В историю философской мысли художник слова может по праву войти тогда, когда, используя свои, художественные средства выразительности, оказывается в состоянии разрешить философские вопросы. Если творческое стремление писателя сосредотачивается не на изображении живого и реального портрета героя, а на усмотрении в том или ином лице типа человека, могут иметь место проявления художественного платонизма. Философский потенциал художественной литературы обнаруживается там, где художественный образ приобретает черты «бытийственной идеи».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Аляев Г. Е. Двойственность национального сознания как экзистенциал и предмет анализа (опыт Василия Зеньковского) [Электронный ресурс] / Г. Е. Аляев // Режим доступа: <http://dogviewer.yandex.ua>
2. Аляев Г. Е. Русская философия в историческом, методологическом и смыслоложном измерении / Г. Е. Аляев // Русская философия: история, методология, жизнь. – Полтава: ООО «АСМИ», 2011. – с.10-18.
3. Антипов Г. А. От философии к литературе. От литературы к философии / Г. А. Антипов // Философия и ее место в культуре. – Новосибирск, 1990. – с. 88–106.
4. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М., 2004. – с. 381–528.
5. Гайворонюк Н. В. Сучасний вимір української ідентичності / Н. В. Гайворонюк, Б. І. Приймак // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М.Вашкевич. Вип. 71 (№4). – К., 2013. – 444 с.
6. Давыдов Ю. Н. Раздумья о философской культуре / Ю. Н. Давыдов // Вопр. филос. – 1988, – № 3, – с. 66-67.
7. Ермишин О. Т. О двух концепциях русской философии (В. В. Зеньковский, Б. В. Яковенко, Г. Г. Шпет) / О. Т. Ермишин // Философ. науки, – 2004, – с. 149-158.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. [Электронный ресурс] / В. В. Зеньковский – Режим доступа: <http://fanread.ru/book/4319479>
9. Зеньковский В. В. Л. Толстой как мыслитель (К диалектике его идейных исканий) / В. В. Зеньковский // Русские мыслители и Европа. – М., 2005. – с. 300–308.

10. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь / В. В. Зеньковский // Русские мыслители и Европа. – М., 2005. – с. 142–265.
11. Зеньковский В. Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания / В. Зеньковский. – М., 1995.
12. Летцев В. М. Личность как средоточие мировоззренческих исканий В. В. Зеньковского / В. М. Летцев // Вопр. философии, – 2003, – №12, – с. 140–146.
13. Малер А. Кризис русской философии [Электронный ресурс]. / А. Малер. - Режим доступа: www.russ.ru/pole/krizis-russkoj-philosofii
14. Милевская Н. И. М. Ю. Лермонтов в восприятии о. В. В. Зеньковского / Н. И. Милевская // Филологические науки, – 1999, – №6. – с. 79–86.
15. Нагорна Л. Національна ідентичність в Україні / Л. Нагорна. – К., 2002.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов – М., 1983.
17. Рильке Р. М. Письмо А. Бенуа от 28 июля 1901 / Р. М. Рильке // Рильке Р. М. Ворпсбеге – М., Искусство, – 1971.
18. Ткачук М. Київський період творчості В. В. Зеньковського / М. Ткачук // Магістеріум. Історико-філософські студії. – К., 1998. – с. 28–37.

REFERENCES:

1. Alyaev G. E. Dvoystvennost' natsional'nogo soznaniya kak ekzistentsial i predmet analiza (opyt Vasiliya Zen'kovskogo) [The duality of the national consciousness as the existential and the subject of analysis (Basil Zenkovsky experience)] [Electronic resource]. – Access mode: <http://dogviewer.yandex.ua>
2. Alyaev G. E. Russkaya filosofiya v istoricheskom, metodologicheskom i smyslozhiznennom izmerenii [Russian philosophy in the historical, methodological measurement] // Russkaya filosofiya: istoriya, metodologiya, zhizn'. – Poltava: ООО «ASMI», 2011. – с. 10–18.
3. Antipov G. A. Ot filosofii k literature. Ot literatury k filosofii [From philosophy to literature. From literature to philosophy] // Filosofiya i ee mesto v kul'ture. – Novosibirsk, 1990. – с. 88–106.
4. Berdyaev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo [The Philosophy of Dostoevsky] // Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka. – М., 2004. – с. 381–528.
5. Haivoroniuk N. V., Pryimak B. I. Suchasnyi vymir ukraïnskoi identychnosti [The modern Ukrainian identity dimension] // Hileia: naukovyi visnyk. Zbirnyk naukovykh prats / Hol.red. V. M. Vashkevych. Vyp. 71 (№4). – К., 2013. – 444 s.
6. Davydov Yu. N. Razdum'ya o filosofskoy kul'ture [Thinking about the philosophical culture] // Vopr. filos. – 1988, – № 3, – с. 66–67.
7. Ermishin O. T. O dvukh kontseptsiyakh russkoy filosofii (V. V. Zen'kovskiy, B. V. Yakovenko, G. G. Shpet) [On two concepts of Russian philosophy] // Filosof.nauki, – 2004, – с. 149–158.
8. Zen'kovskiy V. V. Istoriya russkoy filosofii. [The history of Russian philosophy] [Electronic resource]. – Access mode: <http://fanread.ru/book/4319479>
9. Zen'kovskiy V. V. L. Tolstoy kak myslitel' (K dialektike ego ideynykh iskanii) [Tolstoy as a thinker (the dialectic of his ideological quests)] // Russkie mysliteli i Evropa. – М., 2005. – с. 300–308.
10. Zen'kovskiy V. V. N. V. Gogol' [N. V. Gogol] // Russkie mysliteli i Evropa. – М., 2005. – с. 142–265.
11. Zen'kovskiy V. Pyat' mesyatsev u vlasti (15 maya – 19 oktyabrya 1918 g.). Vospominaniya [Five months in power (15 May - 19 October 1918). Memories]. – М., 1995.
12. Lettsev V. M. Lichnost' kak sredotochie mirovozzrencheskikh iskanii V. V. Zen'kovskogo [Personality as a center of philosophical quest V. V. Zenkovsky] // Vopr. filosofii, – 2003, – №12, – с. 140–146.
13. Maler A. Krizis russkoy filosofii [The crisis of Russian philosophy] [Electronic resource]. – Access mode: www.russ.ru/pole/krizis-russkoj-philosofii
14. Milevskaya N. I. M. Yu. Lermontov v vospriyatii o. V. V. Zen'kovskogo [M. Y. Lermontov perceptions about. V. V. Zenkovskogo] // Filologicheskie nauki, – 1999, – №6. – с. 79–86.
15. Nahorna L. Natsionalna identychnist v Ukraini [National Identity of Ukraine]. – К., 2002.
16. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Russian Dictionary] – М., 1983.
17. Ril'ke R. M. Pis'mo A. Benua ot 28 iyulya 1901 [Letter A. Benoit from July 28, 1901] // Ril'ke R. M. Bopnbege – М., Iskusstvo, – 1971.
18. Tkachuk M. Kyivskiy period tvorchosti V. V. Zenkovskoho [Kyiv period of creativity V.

Макогонова В. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Зеньковський В. В. про діалектику понять «митець», «мислитель», «філософ»

Анотація. Демаркація філософської та художньої рефлексії – актуальна проблема сучасної історико-філософської науки. Один з засобів її вирішення – визначення меж та змісту понять «митець», «мислитель», «філософ». В цьому контексті цікавим є досвід вітчизняного історика філософії і літератури В. В. Зеньковського. Його наукова спадщина є предметом аналізу в статті, що представлена. З точки зору Зеньковського, митець-майстер художнього слова, в творчості якого має місце «одкровення через мистецтво». Мислителем митця можуть зробити не спроби філософувати, «виправдовувати» свої почуття, зводити їх систему. В історію філософської думки митець може з повним правом увійти тоді, коли, в змозі власними, художніми засоби вирішувати філософські питання. Якщо творче прагнення письменника зосереджується не так на зображенні живого і реального портрета, а на розсуді в тій чи іншій особі типу людини, можуть мати прояви художнього платонізму. Філософський потенціал художньої літератури виявляється там, де художній образ набуває ознаки ідеї у платонівському розумінні. Філософський характер думки засвідчується пошуками системи. Рух до побудови системи, вважає Зеньковський, умова і ознака філософської творчості. Мислитель не може відбутися як філософ, не володіючи «необхідною технікою філософської роботи», тобто не знаючи історії філософії, не маючи звички до строгої понятійної дисципліни.

Ключові слова: митець, мислитель, філософ, Зеньковський.

Makogonova V., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophical sciences Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

Vasil Zenkovsky: content analysis of the concepts artist, thinker, philosopher

Abstract. The forms of expression of philosophical knowledge and methods of its production are diverse. Therefore, historians of philosophy must address important theoretical and methodological problems. The correlation of concepts history of philosophy and history of philosophical thought, philosophy and philosophizing, the demarcation of the philosophical and artistic reflection, the philosophical and religious reflection. One way to solve it is content analysis of the concepts artist, thinker, philosopher. The view on this problem of Basil Zenkovsky is explored in this article.

Zenkovsky is one of those domestic thinkers whose life and scientific heritage equally of interest for researchers. He was a theologian, teacher, psychologist, church, and public figure. There is a view that in Ukraine the status of domestic philosophy has not only Ukrainian but also Russian philosophy. Zenkovsky belongs to Russian and Ukrainian cultural tradition, Zenkovsky studied the history of Russian philosophy and literature. Special attention was paid to philosophical and religious reflection in fiction. Zenkovsky thought that Gogol and Leo Tolstoy are not only writers, but also thinkers. Thinker is the one who desire to form a complete world view. The value of experience of thinker is determined not integrity. The value of experience of thinker is determined by its depth. It should be noted that Tolstoy's characters are different from the characters of Gogol. The purpose of Tolstoy is the creation of an individual portrait of his hero. This Bolkonsky, Natasha Rostova, Anna Karenina. Gogol sought to draw the type of person. This Chichikov, Nozdryov, Manilov. Zenkovsky calls it Platonism in art. Platonism in art is an expression of ideas through artistic image. Zenkovsky considers it necessary to clarify the meaning of concept «type of man». It does so from the standpoint of Christian anthropology. The human personality can not be typical. A typical can be empirical expression of personality.

To be a philosopher a thinker must possess knowledge necessary. Deeply study the history of philosophy, use a special terminology. There is a significant difference between the worldview and philosophy. The worldview free than philosophy. Free spiritual quest, insight, intuition must find their place in the philosophical system.

Conclusions: the convergence philosophy and fiction – one of the trends of development of modern culture. The boundaries between artistic and philosophical reflection not always clearly defined. There is a need to set boundaries between the two areas of culture, identify patterns of their interaction To achieve the goal should be to solve such problems: compare philosophy and fiction;

identify forms of their interaction; the factors that determine the nature of relationship philosophy and fiction in different historical condition.

Key words: *artist, thinker, philosopher, Zenkovsky.*

УДК 1(091)

Окорок В. Б.

профессор кафедры философии
Днепропетровский национальный
университет имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

**ЖИЗНЬ ЗНАКА И СМЫСЛОВЫЕ ПОТОКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
МИФИЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ (СИМВОЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГИИ
К. ЛЕВИ-СТРОСА)**

Аннотация. *Статья посвящена эволюции сознания знака – минимальной единицы смысла, которая, является наиболее характерной «единицей», позволяющей, с одной стороны, заглянуть в глубины древнего сознания, с другой – понять сущность современных форм мышления.*

Ключевые слова: *знак, миф, символ, мифология, антропология.*

О том, как можно соскользнуть по наклонным плоскостям исторического сознания к истокам зарождения сознания, культуры и общества, писало в неклассической философии достаточно много. Вероятно, в таком контексте уместно вспомнить о деструкции М. Хайдеггера, об археологии М. Фуко, о логике смысла Ж. Делеза, о традиционных формах культуры Р. Генона и др. Похожий сценарий можно проследить у мудрецов восточной культуры (в частности, у С. Радхакришнана, А. Гхоша и др.). Примечательным европейским мыслителем, который раскрыл нам сущность феноменологии духа, был Гегель, вслед за ним описал феноменологию сознания Гуссерль. Словом, неклассическая культура оказалась у той граничной черты, за которой начинаю проявляться предельные особенности эволюции сознания.

В соответствии с нашим пониманием такой эволюции сознания одной из ключевых фигур погружения в мир греков и древних мудрецов является знак – минимальная единица смысла, которая, по этой причине, может наиболее точно отразить древнее искусство мышления. Знак является наиболее характерной «единицей», позволяющей, с одной стороны, заглянуть в глубины древнего сознания, с другой – понять сущность современных форм мышления. Попробуем проследить путь знака с целью продолжения нашего путешествия.

Мысль сама по себе всегда уверена, что она схватывает значение образа (то есть и образ, и значение); но образ (знак) – это явление настоящего (по Ж. Деррида, отсрочка, след) [Деррида, 2000], тогда как значение всегда элемент повторения (по Ж. Делезу), элемент прошлого. Таким образом, мысль обречена совмещать прошлое и настоящее, чтобы вообще она могла быть мыслью, оперировать знаками и значениями.

Очевидно, что значение и знак не сходятся во времени (как не сходятся прошлое и будущее с настоящим), – их невозможно объединить и совместить. Образ настоящего (как событие) и его значение – это разные сферы бытия мысли, а их объединение – это натяжка, парадокс, конфликт, связанные и с темпоральностью мысли, с ее коммуникацией (в этом месте М. Бахтин применяет очень правильный термин хронотоп). Нам кажется, что мы фиксируем значение, но образ (знак), который вы-